УДК 94(47).084.8:365
DOI: 10.17223/19988613/75/4

М.А. Клинова

ПРАВИЛА НАЙМА, СТОИМОСТЬ И СПЕЦИФИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Предпринят анализ жилищной политики послевоенного периода, проводимой в Свердловской области. Обозначены формы предоставляемого гражданам социального жилья, правила найма, специфика распределения, стоимость. Выявлены основные жилищные проблемы, с которыми сталкивались горожане: сложность получения жилья, его низкое качество, неудовлетворительный уровень реализации коммунальных услуг и пр. Иерархия распределения жилья определялась статусом трудящихся (профессия, стаж, личные трудовые заслуги и пр.), но на практике на данную систему влияли также финансовые возможности граждан, наличие «блата» и т.д.

Ключевые слова: жилищная политика, послевоенный период, СССР, социальное жилье, общежития

Немаловажным аспектом при определении качества жизни горожан является характеристика их жилищных условий. Применительно к советскому периоду отечественной истории к рассмотрению жилищных проблем советского городского населения обращались многие авторы. Приоритетное внимание отечественных исследователей получила проблематика реализации жилищной политики в СССР довоенного периода [1–3]. Сложности решения жилищных проблем в годы войны детально рассмотрены в работах Т.П. Хлыниной, А.В. Ярославцева [4, 5]. В свою очередь, проблематика решения жилищных вопросов горожан послевоенного периода изучается в немногочисленных исторических работах, в которых данная тема раскрыта на региональных материалах Дальневосточного региона [6, 7], Башкирской АССР [8], а также в контексте проблематики градостроительства и архитектуры [9]. В региональном разрезе проблема жилищного строительства в Свердловской области рассмотрена в работах В.Н. Мамяченкова, акцентирующего внимание на темпах застройки, качестве жилья [10, 11]. В то же время такие аспекты существующей в послевоенный период жилищной проблемы, как специфика распределения жилья, правила его найма и стоимость для городского населения, не получили детального рассмотрения в отечественной историографии, что актуализирует тематику предпринятого исследования.

Жилье, в котором проживало городское население страны, могло иметь различный правовой статус – принадлежать жильцу на правах личного имущества (как правило, это были неблагоустроенные домовладения) либо принадлежать предприятиям, учреждениям и организациям и передаваться жильцам (съемщикам) на правах найма. Вслед за М.М. Коршуновым и М.В. Кочетковой жилье, предоставляемое гражданам лишь в пользование, мы будем обозначать понятием «социальное жилье» [12].

В данной статье предпринят анализ послевоенной политики, проводимой в сфере социального жилищного фонда – освещены формы социального жилья, правила его найма, специфика распределения и стоимость на примере городов Свердловской области, а также выявлены наиболее острые жилищные проблемы горожан. Хронологические рамки исследования определяются периодом 1946–1953 гг. Источниковую основу исследования составили нормативные документы послевоенного периода (постановления Совета Министров СССР, ЦК ВКП(б), распоряжения правительства), статистические источники, материалы центральных, областных, городских газет, письма и жалобы горожан, направленные в редакции газет и органы власти, материалы бюджетных обследований жителей городов Свердловской области. Полученные в работе сведения могут быть использованы в рамках учебных курсов, а также научных исследований, касающихся социальной истории послевоенного периода.

В военные годы количество городского населения РСФСР уменьшилось с 39 271 500 до 34 905 500 человек [13. С. 82]. Данное сокращение фиксировалось преимущественно в районах военной оккупации, а также в регионах, откуда эвакуировалось население (центральные районы страны, Дальний Восток). В глубинных тыловых районах России численность городского населения в годы Великой Отечественной войны, наоборот, увеличилась: за счет притока эвакуированных из центральных и западных районов страны на Урале число горожан выросло на 20%, в Сибири – на 14% [Там же. С. 84].

Вследствие увеличения численности городского населения жилищная ситуация в городах Свердловской области была критической. Обостряло жилищную проблему и качество имеющегося жилищного фонда. Значительную его часть составляло так называемое «временное жилье» представленное деревянными бараками. В Нижнем Тагиле, Каменск-Уральском объем подобного жилья составлял 25–30% [11. С. 166].

Необходимость решения жилищной проблемы определялась ее важностью в контексте реализации задач восстановления страны. Наличие жилищного фонда на предприятиях, а также качество этого жилья играли важную роль в политике закрепления кадров, что, в свою очередь, влияло на выполнение плановых заданий, производительность труда на предприятиях. Поэтому, несмотря на ограниченность финансовых

возможностей, в послевоенный период велось строительство социального жилья.

Всего по РСФСР городскими государственными и кооперативными организациями было построено: в годы четвертой пятилетки – 45 млн кв. м жилья, а в период пятой пятилетки – 79,3 млн кв. м [14. С. 92]. В Свердловской области в 1946 г. было введено в эксплуатацию 135 тыс. кв. м жилья [15. С. 2], 1948 г. за счет государственных ассигнований было построено 396 тыс. кв. м жилья, а в 1951 г. – 507 тыс. кв. м [11. С. 178]. В целом в годы четвертой пятилетки было построено 1 751 тыс. кв. м жилой площади. Данные цифры выглядят достаточно внушительными, если учесть, что в 1940 г. объем жилищного фонда в области составлял 4 094,2 тыс. кв. м, из которого только половина (2 035 тыс. кв. м) принадлежала местным советам и другим ведомствам, а остальное являлось частновладельческим [Там же. С. 176]. Таким образом, в годы четвертой пятилетки за счет государственных ассигнований было простроено жилье, общий объем которого составил более 85% к уровню ведомственного довоенного жилищного фонда Свердловской области.

Формы предоставляемого горожанам социального жилья разнились в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий, профессионального статуса сотрудника и наличия жилого фонда.

Рабочим, пришедшим на предприятия (в порядке свободного найма, набранным по оргнабору, выпускникам ФЗО, РУ и пр.), как правило, предоставлялось место в общежитии. Формально качество жилищных условий общежития оговаривалось в тексте трудового договора, заключаемого с вновь пришедшим на предприятие работником. Так, например, в трудовых договорах, заключаемых с демобилизованными в 1946 г., предприятия обязывались: «предоставить… жилую площадь не менее 4,5 кв. метров и кровать с постельными принадлежностями, с взиманием платы в установленном порядке» [16. Л. 37, 390]. На страницах газет публиковались фотографии основательных кирпичных зданий общежитий, а также уютных интерьеров комнат, где вокруг столов с белоснежными скатертями проводят свой досуг советские трудящиеся – за вышивкой, чтением книг, беседами и пр. [17. С. 2; 18. С. 2; 19. С. 2].

На практике реалии рабочих общежитий не всегда были столь радужными. Фактический уровень обеспеченности жилплощадью горожан, проживающих в общежитиях, в большинстве городов региона составлял 2,5–3 кв. м на человека, а в общежитиях некоторых предприятий был еще ниже: на Новотагильском металлургическом заводе – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м. на человека [11. С. 164].

Жалобы трудящихся на неблагоустроенность общежитий регулярно публиковались на страницах прессы послевоенного периода. На станицах газеты «Тагильский рабочий» сообщалось о бытовых условиях рабочих общежития № 17 Ново-Тагильского металлургического завода: «Всюду затхлый воздух, на стенах плесень. В… комнате на шесть человек имеется только две тумбочки. На столе разостлана грязная простынь вместо скатерти» [20. С. 3]. Немногим лучший уровень «благоустройства» можно было наблюдать в одном из общежитий г. Первоуральска (Свердловская обл.): «В полусумрачном коридоре грязно и холодно… Это общежитие № 8 треста Трубстрой. Штукатурка во многих местах обвалилась, а там, где еще держится, жильцы находятся под постоянной угрозой быть придавленными ею… В углу топится и дымит печка… Во всех комнатах не хватает полотенец. И если их возьмут в стирку, то жильцы два-три дня вместо полотенец пользуются простынями» [21. С. 2]. В ряде случаев работников селили общежития, которые уже несколько лет назад «были списаны как непригодные» [22. С. 2].

Проблема неблагоустроенности общежитий не оставалась незамеченной местным городским руководством. Секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин в своей докладной записке (1946) отмечал: «Ни один вопрос бытового обслуживания населения у нас в городе не решен. Не хватает жилья – сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих, нет водопровода» [23. Л. 107]. Вопросы о перспективах и сроках ликвидации «двухярусной системы» в общежитиях региона достаточно часто задавались трудящимися на заводских собраниях и лекциях [24. Л. 36].

С целью решения проблем благоустройства жильцы общежитий обращались в разные инстанции (к руководителям заводов, начальникам жилищных отделов, в профсоюз и т.д.). В силу ограниченности финансовых ресурсов предприятий урегулирование данных жилищно-бытовых проблем затягивалось на неопределенный срок либо они решались частично. Так, например, по результатам жалоб рабочих Ново-Левинской шахты (г. Красноуральск) на отсутствие в общежитии № 4 питьевой воды и частое отсутствие электроосвещения «парторганизация совместно с профорганизацией приняла меры… В данное время электроосвещение во всех комнатах имеется, в общежитии проводятся лекции на политические и бытовые темы» [Там же. Л. 70].

Возможности улучшения жилищно-бытовых условий жильцов общежитий были связаны с результатами их труда и стажем работы. На предприятиях некоторых отраслей индустрии хорошо работающие сотрудники могли претендовать на улучшение условий проживания в общежитии. Например, в постановлении Совета Министров СССР от 1 февраля 1949 г. № 438 «О мероприятиях по закреплению рабочих на стройках Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии и подготовке молодых рабочих строительных профессий в 1949 году» утверждалось требование – предоставлять отдельную комнату в общежитии рабочим ведущих профессий, безупречно проработавшим на стройках предприятий тяжелой индустрии не менее года [25. Л. 285].

Помимо общежитий предприятия располагали определенным объемом жилищного фонда (квартиры, комнаты), предоставляемого сотрудникам. Как правило, на предприятиях фиксировалась нехватка ведомственного жилья. Объемы жилищного строительства, проводимого министерствами и предприятиями, обозначались в ежегодных планах экономического развития. Несмотря на важность решения жилищного вопроса, планы по ведомственному жилищному строительству

регулярно не выполнялись, и жилищная проблема стояла достаточно остро на предприятиях большинства хозяйственных министерств. Например, по состоянию на 1 июля 1947 г. годовой план строительства ведомственного жилья был выполнен по министерствам: черной металлургии – на 9%; цветной металлургии – на 8,6%; химической промышленности – на 17,5%; резиновой промышленности – на 13,3% [26. Л. 297], угольной промышленности восточных районов – на 47% [27. Л. 267].

Помимо неудовлетворительных темпов строительства предприятиями ведомственного жилья, существовала определенная иерархия в его распределении. Преимущество в обеспечении ведомственным жильем (как в плане очередности, так и качества) имели руководители предприятий, ИТР и высококвалифицированные работники. В постановлении, принятом Советом Министров СССР 10 сентября 1947 г. № 3211 «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» утверждалось требование: «Обеспечить в течение 1947–1950 гг. всех начальников, главных инженеров, главных механиков и маркшейдеров шахт, начальников и механиков подземных участков и горных мастеров должностными меблированными квартирами» [28. Л. 129–134].

Среди рабочих и служащих предприятий преимущество в распределении жилья имели стахановцы, а также кадровые рабочие, имеющие большой стаж работы. В заметках, посвященных заселению новых домов, как правило, уточнялись профессиональный статус и стаж новоселов: «благоустроенную квартиру получил знатный сталевар тов. Мишуков» [29. С. 1]; «новое жилье из трех комнат… получил старейший рабочий Ново-Тагильского металлургического завода старший миксеровой мартеновской печи № 2 тов. Устиновский… двухкомнатная квартира дана инвалиду Отечественной войны швейцару Дворца культуры тов. Набиулину» [30. С. 1]. Презентация в прессе данной системы «отбора» трудящихся, заселяющихся в новые квартиры, носила пропагандистский характер, формируя у граждан отношение к жилью как к награде за непрерывный стаж работы на предприятии и высокую трудовую активность.

Еще одним критерием отбора претендентов на социальное жилье от предприятия был семейный статус трудящихся. Максимальный размер занимаемой жилплощади равнялся 9 кв. м на человека, поэтому у одиноких граждан шансов получить отдельную квартиру фактически не было, они могли рассчитывать только на общежитие или комнату. Газета «Тагильский рабочий» сообщала: «В 1949 г. тысячи семей рабочих… переселились в новые светлые благоустроенные квартиры, а одиночки – в хорошие, специально оборудованные общежития комнатного типа» [29. С. 1].

На практике декларируемая статусно-профессиональная иерархия в распределении жилищного фонда, как и нормы обеспеченности жильем, не всегда соблюдалась. Вследствие высокого уровня востребованности и ограниченности жилищного фонда его распределение не исключало криминальных практик. Факты злоупотребления лиц, имеющих доступ к жилищному фонду, освещались на страницах газет, являлись темой для жалоб граждан в вышестоящие инстанции. В письме начальника АХО Свердловской облконторы Промбанка А.С. Малахова, адресованном заместителю министра государственного контроля, сообщалось о том, что управляющий конторой Промбанка «встал на неправильный путь, получая жилплощадь у подконтрольных организаций, т.е. строек… Только за последние 6 месяцев получено 4 квартиры» [31. Л. 198]. На страницах газеты «Труд» в фельетоне «Ревдинские новоселы» рассказывалось о злоупотреблениях директора одного из предприятий г. Ревда, раздающего заводские квартиры «по блату» гражданам, не имеющим отношения к заводу и к тому же владеющим собственными особняками [32. С. 3]. К различного рода злоупотреблениям были причастны и работники домоуправлений. Так, в результате проверки, проведенной в Нижнем Тагиле (1947), выяснилось, что «в некоторых домовладениях проживают граждане, не прописанные в домовых книгах, без паспортов и с паспортами, срок которых истек» [33. С. 2].

В результате узости жилищного фонда, а также реализации различных криминальных практик лицами, имеющими доступ к его распределению, получение жилья сотрудниками предприятий затягивалось на неопределенный срок. На страницах Первоуральской газеты «Под знаменем Ленина» было опубликовано письмо А. Ветошкиной, в котором сообщается, что, несмотря 14-летний стаж работы ее мужа на Хромпиковом заводе, их семье до сих пор не предоставлена квартира, и семья из семи человек вынуждена ютиться в маленькой комнате [34. С. 2]. Еще более критическая жилищная ситуация в послевоенный период сложилась в тресте Тагилстрой, где части семей приходилось жить «в большой скученности»: «В комнате, где проживает стрелочница тов. Шендель, помещено 14 человек. Квартира лучшего грузчика-стахановца тов. Титова состоит из одной комнаты, но в ней проживает 10 человек. И, несмотря на это, руководство треста в 1949 г. выделило… только три квартиры. В результате дальнейшее расселение вновь прибывших рабочих производится за счет еще большего уплотнения и без того уже перенаселенных квартир» [22. С. 2]. Нерешенность «квартирного вопроса» фиксировалась и в среде руководящих работников, хотя острота жилищной проблемы среди представителей данной группы была несколько ниже. Например, в своей жалобе в Верховный Совет СССР житель г. Каменск-Уральский отмечает, что ему, заведующему Райстройотделом, «приходится жить в кабинете исполкома райсовета… так как Исполком Каменского райсовета квартир не имеет» [35. Л. 191–191 об.].

Вопросы о сроках обеспечения сотрудников ведомственной жилплощадью нередко звучали на рабочих собраниях предприятий в большинстве городов области (Карпинск, Красноуральск, Кировоград, Нижний Тагил, Серов, Свердловск и пр.) [24. Л. 31, 52, 54, 56, 117, 149].

Жилищным фондом располагали как предприятия и организации, так и местные советы. В начале 1951 г.

в СССР в ведении хозяйственных министерств, учреждений, предприятий находилось 56% всего общественного жилого фонда, а в ведении местных Советов – 44% [36. С. 35]. В РСФСР в 1950 г. социальная жилая площадь составляла 69% от всего жилищного фонда в стране (из нее 24% находилось в ведении местных советов, а 45% – в ведении министерств и ведомств) [37. С. 359]. В Свердловской области в 1951 г. местные советы располагали жилищным фондом объемом 279,8 тыс. кв. м, что составляло 7% от объема жилья в области, принадлежащего ведомствам.

Правила предоставления гражданам социального жилья регулировались нормативными актами Министерства коммунального хозяйства, постановлениями пленумов Верховного суда СССР и пр. 30 августа 1947 г. Министерством коммунального хозяйства РСФСР был издан приказ № 727, утвердивший Инструкцию «О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций» [38]. Договор найма жилого помещения заключался со съемщиком на срок не свыше пяти лет. В соответствии с действующими в РСФСР жилищно-санитарными нормами (9 кв. м на человека) определялись объем предоставляемого жилья, излишки жилой площади.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. № 46/23/У жилищным органам запрещалось заселение под жилье мест общего пользования (передних, коридоров, кухонь и чуланов) [39. С. 157–158]. Однако на практике места общего пользования в ведомственных квартирах могли заселяться съемщиками. В информационном письме председателя исполкома Свердловского областного совета Г. Ситнкова, адресованном министру автотракторной промышленности СССР С.А. Акопову (1948), были отмечены следующие факты: «На мотоциклетном и автоприцепном заводе в г. Ирбите работает 3 400 чел. Многие семьи рабочих и служащих мотозавода и завода автоприцепов живут в сырых подвалах, общественных кухнях, коридорах» [40. Л. 89]. Характерно, что означенная практика нарушения правил заселения жилых помещений фиксировалась не только в уральском регионе, но и в столице, сохранившись и в 1950-е гг. Так, например, в донесении Первого секретаря МГК КПСС Н.С. Хрущева, направленном в Президиум Совета Министров СССР в январе 1952 г. указывалось, что в Москве «более 1 800 семей железнодорожников проживает в 255 бараках, пришедших в ветхость. Много железнодорожников размещено на кухнях, в кузовах вагонов и других нежилых помещениях» [41. С. 52].

Оплата жилья в послевоенный период осуществлялась согласно тарифам, утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» [42. Ст. 402]. Размер квартирной платы определялся площадью и качеством жилья, объемами доходов квартиросъемщика. Квартирная плата исчислялась по заработку или доходу одного из членов семьи, получающего больший в семье заработок или доход (вне зависимости от суммарного дохода семьи) [39. С. 167]. Для рабочих и служащих, месячный заработок которых составлял более 145 руб., квартирная плата составляла 44 коп. за 1 кв. м, а также взималась надбавка в размере 3,3 коп. за каждые 10 руб., получаемых съемщиком сверх 145 руб. заработной платы. Рассчитанный таким образом объем квартирной платы не должен был превышать предельного размера – 1 руб. 32 коп. за кв. м. Излишки занимаемой площади (превышающие норму в 9 кв. м на человека) оплачивались съемщиком в тройном размере соответствующих квартирных ставок [42. Ст. 402]. Дополнительно к квартирной плате отдельно оплачивались электрическое освещение, отопление, газ, телефон. В зависимости от качества жилья устанавливались коэффициенты, понижающие его оплату: полуподвальные помещения оплачивались со снижением на 50%; если в жилой комнате находилась печь или плита (при отсутствии общей кухни), оплата составляла 75% от исчисленного объема [39. С. 169, 170]. Для отдельных категорий граждан устанавливались льготы при оплате жилья. Семьи офицеров оплачивали жилье по ставке в 1% от заработной платы за 1 кв. м; в случае призыва члена семьи в армию образовавшиеся излишки площади оплачивались в одинарном размере [39. С. 170, 171].

Материалы бюджетных обследований горожан Свердловской области, проведенных во второй половине 1940-х гг. ЦСУ Госплана СССР, содержат данные о суммах ежемесячной оплаты жилищно-коммунальных услуг городскими жителями региона. Исходя из действующих тарифов и сумм оплаты ЖКХ (в месяц), нами были получены следующие данные о ежемесячной стоимости различных форм социального жилья в городах Свердловской области в 1946 г. (анализировались бюджеты за зимние месяцы – ноябрь, январь, февраль). Наименьшими были суммы оплаты ЖКХ у граждан, не имеющих семей и проживающих в одной комнате вместе с другими трудящимися – 6–9 руб. в месяц (по всей видимости, эти горожане проживали в общежитии) [43. Л. 26, 27]. Семья из пяти человек, проживающая в комнате площадью около 16 кв. м, платила в месяц 23 руб. 70 коп. за аренду жилья и 11 руб. 60 коп. за остальные коммунальные услуги [Там же. Л. 1, 2]. Семья из четырех человек, проживающая в комнате площадью около 13 кв. м, оплачивала 18 руб. 40 коп. за наем жилья и 39 руб. за остальные коммунальные услуги. [44. Л. 16]. Оплата за наем отдельной квартиры, занимаемой семьей, была существенно выше. Для семьи из четырех человек, проживающей в квартире площадью 31 кв. м, ежемесячная плата за содержание жилья составляла 41 руб., а также 6 руб. за электричество и другие услуги ЖКХ [43. Л. 5]. Семья из трех человек, живущая в отдельной квартире площадью 34 кв. м, платила в месяц 63 руб. 50 коп. за жилье и 46 руб. 50 коп. за остальные услуги ЖКХ [45. Л. 7]. В целом, предпринятый анализ более ста бюджетов рабочих и служащих Свердловской области за 1946 г. позволят утверждать, что средний объем ежемесячной оплаты коммунальных услуг (содержание жилья, электроэнергия и пр.) для одного домохозяйства варьировал в диапазоне от 30 до 55 руб. Весомость данной суммы в бюджете семьи была относи-

тельной и зависела от количества работающих граждан, состава семьи и пр. В среднем оплата услуг ЖКХ составляла от 2,5 до 5,5% ежемесячного бюджета домохозяйства. Наиболее весомой по отношению к общему объему бюджета была доля оплаты услуг ЖКХ у бессемейных горожан, а также в семьях, состоящих из 5–6 человек, где работал всего один член семьи.

В ряде случаев суммы оплаты за жилье вызывали дискуссии, являясь причиной жалоб горожан в профсоюзные органы и редакции газет. Актуальной площадкой для обсуждения данных проблем являлась газета «Труд». В издании обсуждались проблемы неравной квартирной платы в домах, принадлежащих предприятиям и местным советам [46. С. 2] и др. В редакцию газеты «Труд» с жалобой на высокую оплату жилья обращался житель г. Серова (Свердловская обл.) А.П. Ломакин: «Я плачу в месяц 200–220 руб. Вы можете не поверить, ведь у нас в СССР самая дешевая квартплата… Да, это верно, за жилую площадь платили установленную коммунальную ставку, причем действительно недорого, а вот отопление у нас вылазит, как говорят, в копеечку. За отопление мы платим каждый месяц более ста рублей, причем круглый год. В чем причина, я не могу объяснить» [47. Л. 165–167].

Претензии граждан по поводу корректности расчетов коммунальных платежей освещались и на страницах других газет. Так, например, в одном из номеров газеты «Тагильский рабочий» (1950) была опубликована жалоба горожан, возмущенных тем, что с них берут оплату за водопровод в течение всего года, в то время как в зимний период «водопровод не действует» уже несколько лет [48. С. 4]. Жильцы одного из домов Нижнего Тагила в 1947 г. сообщали о необъяснимом повышении тарифов за отопление: «…трубы в доме нагревают лишь настолько, чтобы они не полопались. Жильцам предоставлено свободное право отапливать квартиры собственными средствами. Но, как ни странно, плату за топливо с них не сняли. Наоборот, с начала нового года “отопление” сильно вздорожало, а жилая площадь… расширилась. Например, квартира Меклер еще в прошлом году была площадью 38 кв. м, нынче же в счете горжилуправления стоит “41,5 кв. м”, на 2–3 метра расширились квартиры и у остальных жильцов. В декабре жилец Калашник платил за квартиру 160 руб. После применения “новой системы отопления” ему принесли счет на 213 руб. Такие сюрпризы преподнесены всем квартиросъемщикам» [49. С. 2].

Оплата коммунальных услуг являлась темой вопросов горожан, задаваемых на митингах и собраниях. После повышения пайковых цен осенью 1946 г. одним из часто задаваемых стал вопрос: «Повысят ли плату за коммунальные услуги?» [24. Л. 104 об., 105, 125]. Повышение цен порождало слухи, «…что будут брать 8 рублей за 1 кв. м площади». [Там же. Л. 47.]

Еще одной немаловажной проблемой, с которой сталкивались горожане, являлось неудовлетворительное качество социального жилья. Проблемы старого жилищного фонда были фактически идентичными в большинстве городов области. Житель Первоуральска в письме в редакцию отмечал: «Имеющиеся печи почти совсем не топятся. В комнатах жуткий холод. Жильцы днями и ночами не отходят от кухонь» [50. С. 2]. Жители Нижнего Тагила сообщали в редакцию газеты «Тагильский рабочий», что в их домах: «…батареи еле теплятся… из-за неисправности отопительной системы семья вынуждена ютиться на кухне, где есть плита» [51. С. 3]; «подгнившие балки рухнули, стены дали трещину, но, несмотря на это, в ЖКО не принимают никаких мер» [48. С. 4].

Несмотря на теоретическую «благоустроенность» жилья, типичной проблемой горожан являлось отсутствие воды. Житель г. Серова в своем письме в «Труд» пишет: «Со времени существования водопровода года два вода шла четыре раза в сутки с 7–8 утра, с 11–12 дня, с 4–5 дня, с 7–8 вечера. Хоть не в любое время можно взять воды, но мы с этим смирились. На время отсутствия воды запасали в посуду. В последние три месяца стали приучать нас жить без воды, начали отключать воду по воскресеньям у женщин, которые работают на производстве, в воскресенье нужно было стирать, а у нас и обед готовить воды нет. А с половины июля совсем нет воды, иногда приходится ходить за километр в центр города за водой» [47. Л. 167]. Проблемы неудовлетворительного качества социального жилья озвучивались в вопросах трудящихся на собраниях трудовых коллективов предприятий области: «Почему вода подается с перебоями?», «Будет ли проводиться капитальный ремонт квартир трудящихся в этом году?» и пр. [24. Л. 60, 61 об., 68, 72, 74 об., 79, 85, 88, 148.].

Важно отметить, что жилищные проблемы, с которыми сталкивались жители Свердловской области, являлись типичными для большинства регионов страны. В западных областях жилищная проблема усугублялась тем, что большая часть жилищного фонда была разрушена [52. С. 55], а восточные регионы страны, куда было эвакуировано население, не располагали финансовыми возможностями строительства жилья в требуемом объеме [53, 54]. Поэтому отсутствие воды, протекающие крыши и проживание в скученных условиях были частью обыденной повседневности для большинства горожан в первые послевоенные годы.

Неудовлетворительным в ряде случаев было качество и нового социального жилья. В письме работника Ново-Тагильского металлургического завода в газету «Тагильский рабочий» описаны следующие факты: «Администрация завода выделила мне новую квартиру… в новом… доме… Мы с женой думали, что в нашей квартире будет хорошо и зимой, но мы ошиблись. 26 сентября 1949 г. в доме пустили паровое отопление, но в моей квартире почему-то батареи не нагревались… На квартиру пришли слесари. Они стали разогревать трубы, спускать воду. Вода сейчас размывает стены и потолок… стены промерзают и с них обваливается штукатурка» [48. С. 4].

Работники домоуправлений, которых в первую очередь обвиняли жильцы в своих проблемах, пытались переложить ответственность за качество жилья на строителей или даже на самих квартиросъемщиков. На страницах одного из выпусков газеты «Тагильский рабочий» 1950 г. помещена статья с говорящим названием «Претензии к строителям и квартиросъемщикам». Автор статьи – домоуправляющий А. Громазин – отме-

чал, что «квартиросъемщики не всегда стремятся сохранить жилой фонд завода», содержа квартиру в антисанитарных условиях. Также качество жилья во многом зависит от работы строителей, которые, в свою очередь, сдают в эксплуатацию квартиры с разными недоделками: «канализация забита строительным мусором», «теплофикация не работает», «в подвалах стоит вода», «штукатурка отваливается» и пр. [55. С. 3].

В целом низкое качество социального жилья (в силу ветхости жилищного фонда, халатности строителей, неэффективной работы домоуправления) являлось той проблемой, с которой в той или иной степени приходилось сталкиваться всем квартиросъемщикам.

Немаловажно отметить, что жилье, предоставляемое предприятиями или местными советами, не было закреплено за жильцами на постоянной основе. В случае необходимости съемщики жилья могли быть переселены в другое жилье. В послевоенный период действовали законодательные нормы, согласно которым жильцы могли быть выселены в административном порядке без предоставления другого жилья либо им могло быть отказано в продлении договора найма жилого помещения в ряде случаев: если жильцы систематически портят и разрушают жилое помещение; не дают возможности нормального проживания другим жильцам; по истечении шести месяцев после фактического выезда из данного жилого помещения; если съемщик не внес квартирной платы в течение трех месяцев [39. С. 157].

На практике категоричность правил, предполагающих административное выселение граждан, была относительной. Так, например, жители одного из домов по ул. Пушкинской Свердловска с целью «найти управу» на соседку, которая самовольно завладела общественной кухней и лишила возможности пользоваться ею 19 семей, проживающих на этаже, написали несколько заявлений в домоуправление, в исполком горсовета и райсовета, прежде чем началась «проверка фактов» по данному делу [56. С. 3]. Относительной была и строгость санкций за невнесение квартирной платы. Трудящиеся могли несколько месяцев не оплачивать услуги ЖКХ. Некоторые работники домоуправления прибегали к оригинальным способам решения проблемы коммунальной задолженности жильцов. Домоуправляющий поселка Строителей, где проживали рабочие треста «Уралтяжтрубстрой» (Первоуральск), отказывался выдавать жильцам справки о семейном положении, пока те не погасят задолженность по квартирной плате. Несмотря на жалобы жильцов на грубость домоуправляющего, комитет профсоюза счел его методы действенными, присвоив звание «лучшего домоуправляющего ЖКО Уралтяжтрубстроя» [57. С. 4]. Обращение к материалам бюджетных обследований горожан Свердловской области позволяет утверждать, что неуплата коммунальных платежей не являлась массовым явлением. Так, из 50 бюджетов рабочих и служащих за январь–февраль 1946 г. только пять домохозяйств не внесли квартирную плату. [43. Л. 4, 7, 12, 18, 36].

В 1953 г. произошло смягчение законодательных норм, регулирующих практики выселения квартиросъемщиков. 10 сентября 1953 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «Об отмене административного выселения из домов государственных предприятий, учреждений и организаций рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения». Согласно данному указу выселение рабочих и служащих из домов государственных предприятий, учреждений и общественных организаций, а также из арендуемых ими домов могло производиться лишь в судебном порядке с предоставлением выселяемым другой годной для жилья площади. Административное выселение без предоставления жилой площади сохранялось лишь в отношении рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию или за совершение преступления, а также из домов, принадлежащих промышленным предприятиям угольной, металлургической промышленности, электростанциям и транспорту, Министерству обороны СССР, Министерству внутренних дел СССР. Административному выселению вообще не подлежали: лица, избранные на руководящие должности с освобождением от выполняемой работы; граждане, переведенные на другую работу по решениям директивных органов; инвалиды Отечественной войны, инвалиды труда I и II групп; пенсионеры по старости; персональные пенсионеры; семьи военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны; семьи лиц, находящихся на службе в Советской Армии; семьи умерших работников, которым была предоставлена жилая площадь предприятием или учреждением [58. С. 367].

В большинстве случаев применительно к ведомственным квартирам можно говорить только о пользовании жилым помещением, а не о праве собственности, но в отдельных случаях ведомственное жилье закреплялось за гражданами. Данные случаи оговаривались специальными постановлениями и распоряжениями правительства. Так, например, в 1947–1948 гг. были приняты постановления Совета Министров СССР, согласно которым ИТР, горным и буровым мастерам, бригадирам предприятий министерства геологии, угольной и цветной промышленности, строительства угольных шахт, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и горным и буровым рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемые ими квартиры предоставлялись в пожизненное пользование [28. Л. 129–134; 59. Л. 312–314; 60. Л. 134–137]. Отдельными постановлениями Совета Министров СССР за семьями умерших хозяйственных руководителей, военных, деятелей науки и искусства закреплялись занимаемые квартиры (устанавливались дополнительные льготы по оплате жилья) [60. Л. 320; 61. Л. 133, 166]. В целом закрепление за гражданами занимаемого ими ведомственного жилья было, скорее, исключением из правил, льготой, предоставляемой отдельным категориям населения за трудовые заслуги.

Таким образом, в послевоенный период жилищные сложности горожан Свердловской области определялись комплексом проблем: трудностью получения со-

циального жилья (в силу узости жилищного фонда), низким его качеством. Условия найма жилья требовали регулярного внесения оплаты, соблюдения правил «социалистического общежития», жильцам могло быть отказано в найме помещения либо они могли быть переселены в другие квартиры. На практике данные правила не всегда соблюдались. Оплата социального жилья, как правило, была невысокой по отношению к общему объему бюджета семьи. Фиксировалась пропорциональная зависимость выплат от специфики и объема социального жилья.

Жилищная политика, проводимая советским государством в послевоенный период, соответствовала общему вектору социально-экономического регулирования данных лет. Приоритетной задачей государства, реализуемой в рамках мобилизационной экономической модели, являлось восстановление разрушенного войной народного хозяйства страны. Необходимость решения данной задачи в условиях дефицита материальных ресурсов способствовала проведению дифференцированной социальной политики: объемы льгот и преференций, предоставляемых работникам, определялись важностью и нужностью различных категорий советского социума для реализации задач мобилизационной экономической модели. Качество социального жилья разнилось в диапазоне от койко-места в общежитии до благоустроенной трехкомнатнй квартиры в пожизненное пользование. Пропорционально росту квалификации и профессиональной значимости работника, его роли, определяемой системой координат государственных интересов, увеличивались размеры доступного горожанам социального жилья. В то же время теневые схемы распределения столь ценного ресурса во многом корректировали освещаемую в СМИ и фиксируемую правительственными постановлениями систему наделения граждан жильем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР с 1917 по 1941 г. // Клио. 2009. № 2 (45). С. 65–78.
2. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с
3. Кирюшина Т.А. Жилищная политика в СССР в 30-е годы XX века (по материалам Пензенского края) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 456–458.
4. Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–68.
5. Ярославцев А.В. Жилищная политика в Хабаровском крае (1939–1945 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3 (72). С. 76–79.
6. Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. 26 с.
7. Власов С.А. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014. С. 108–114.
8. Харрасов Ф.Ф. Жилищное строительство в Башкирской АССР в 1945–1964 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2016. 26 с.
9. Усанова А.Л. Советская архитектура и градостроительство 1920–1950 годов: стратегия жилищного строительства и виды городского жилья // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2 (82). С. 205–210.
10. Мамяченков В.Н. Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики. // II Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2007. С. 166–168.
11. Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Екатеринбург, 2009. 235 с.
12. Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Эволюция социального жилья в СССР. От «сталинок» до «хрущевок» // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4 (32). URL: http://human.snauka.ru/2014/04/6537 (дата обращения: 08.02.2019).
13. Население России в XX веке : исторические очерки : в 3-х т. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 414 с.
14. РСФСР за 40 лет : стат. сб. М. : Сов. Россия, 1957. 223 с.
15. Уральский рабочий. 1947. 1 янв.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279.
17. Под знаменем Ленина. 1950. 14 мая.
18. Под знаменем Ленина. 1951. 13 февр.
19. Тагильский рабочий. 1956. 9 мая.
20. Резкие контрасты // Тагильский рабочий. 1950. 24 марта.
21. Грязно и холодно // Под знаменем Ленина. 1950. 1 февр.
22. Плоды безответственности и беспечности // Тагильский рабочий. 1950. 1 апр.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 43. Д. 197.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176.
25. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316.
26. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307.
27. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 329.
28. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311.
29. В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1950. 1 янв.
30. В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1956. 15 янв.
31. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7319.
32. Ревдинские новоселы // Труд. 1956. 10 мая.
33. Нарушители паспортного режима // Тагильский рабочий. 1947. 15 февр.
34. Прошу оказать внимание // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля.
35. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7567.
36. Гольденберг А.М. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства. М. : Госфиниздат, 1950. 88 с.
37. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : стат. ежегодник. М. : Госстатиздат, 1957. 366 с.
38. О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций : приказ М-ва коммунального хозяйства РСФСР от 30.08.1947 № 727 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=37679&req=doc#7QVkkwSYLidVBO3n

39. Консультации «Труда». Ответы на вопросы читателей газеты «Труд» по трудовому и жилищному законодательству. М. : Изд-во газеты «Труд», 1949. 177 с.
40. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5840.
41. Горлов В.Н. Ведомственное жильё в СССР // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2013. № 1. С. 51–56.
42. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 53.
43. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. 1.
44. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. 2.
45. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 255.
46. Действенные выводы // Труд. 1948. 12 апр.
47. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7685.
48. Безответственные руководители (обзор писем) // Тагильский рабочий. 1950. 15 февр.
49. В холодном доме // Тагильский рабочий. 1947. 15 февр.
50. Неблагоустроенный дом // Под знаменем Ленина. 1951. 3 марта.
51. Батареи не греют… // Тагильский рабочий. 1950. 15 янв.
52. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
53. Анохов В.В., Долголюк А.А. Жилищные условия города Бердска в 1946–1970 гг. // Социальная сфера и повседневность Сибирского города (XX – начало XXI вв.) / отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск : Параллель, 2007. С. 74–94.
54. Кокорина Л.Б. Развитие жилищного обеспечения населения, пассажирского транспорта и здравоохранения городов Кузбасса (1945–1985) : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2009. 23 с.
55. Претензии к строителям и квартиросъемщикам // Тагильский рабочий. 1950. 15 апр.
56. В райисполком поступило заявление… // Уральский рабочий. 1953. 1 июня.
57. «Лучший»… домоуправляющий // Под знаменем Ленина. 1955. 16 февр.
58. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М. : Госюриздат, 1956. 500 с.
59. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 314.
60. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289.
61. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290.

Marina A. Klinova, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Science (Ekaterinburg, Russian Federaton). E-mail: Klinowa.m@yandex.ru

RULES OF HIRING, COST AND SPECIFICS OF SOCIAL HOUSING DISTRIBUTION IN POST-WAR YEARS (ON THE EXAMPLE OF CITIES OF SVERDLOVSK REGION)

Keywords: housing policy, post-war period, USSR, social housing, hostels.

This article analyzes the housing policy of the postwar period in the Sverdlovsk region. The forms of social housing provided to citizens, rules of hiring, specifics of distribution, cost are designated. This research is based on such sources as regulatory documents of the post-war period (resolutions of the Council of Ministers of the USSR, of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), government decrees), statistical documents, extracts from print media (announcements, articles, notes), letters and complaints of urban residents sent to newspaper editorial boards and to the public authorities, the materials budget survey of residents of the Sverdlovsk region. The terms of the tenancy required regular payment, the tenants could be refused the tenancy or they could be moved to other apartments. In practice, these rules were not always observed. Payment for social housing was generally low relative to the total family budget. There was a proportional dependence of payments on the specifics and volume of social housing. The article highlights the main housing issues that residents of the cities faced: difficulties in getting accommodation (due to insufficient volumes of construction), its low quality (in connection with both the old housing stock dilapidation and the faults and significant defects in construction of the new housing stock), poor rendering of housing and utilities services, rough mistakes made in the calculation of housing charges which resulted in people paying for the services they never actually received, etc. Overall, the Soviet housing policy during the post-war period fell in line with the general trajectory of the social and economic regulation of the time. The need to restore the country destroyed during the war as soon as possible and the shortage of material resources at the government's disposal contributed to the adoption of a selective social policy: the amount of privileges granted to a worker depended on importance and relevance of various categories of Soviet citizens in terms of achieving the objectives of the mobilization economic model. The quality of social housing varied within the following range: a bed in a dormitory – a room in a communal apartment – a comfortable apartment (granted for the period of employment with an enterprise) – a comfortable three-room apartment granted for lifetime. On the one hand, the level of the housing the worker was eligible for depended on his/her qualification and professional relevance, with his/her role being defined by the system of national interests. Newspapers actively spread propaganda about this trajectory of social policy making citizens think of housing as a just reward for their labour achievements. On the other hand, informal schemes of distribution of such a valuable resource modified the housing distribution system covered in media and fixed by government decrees to a large extent.

REFERENCES

1. Meerovich, M. G. (2009) Zhilishchnaya politika v SSSR s 1917 po 1941 g. [The USSR housing policy from 1917 to 1941]. *Klio*. 2(45). pp. 65–78.
2. Meerovich, M. G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment of housing: the USSR housing policy as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow. ROSSPEN.
3. Kiryushina, T.A. (2011) Housing policy of the Soviet state in 30-s years of the 20th century (on materials of the Penza region). *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 23. pp. 456–458. (In Russian).
4. Khlynina, T.P. (2014) Housing policy and its implementation mechanisms in Soviet Russia during the Great Patriotic War. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(28). pp. 56–68. (In Russian).
5. Yaroslavtsev, A.V. (2015) Housing policy in the Khabarovsk territory (1939–1945). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 3(72). pp. 76–79. (In Russian).
6. Yaroslavtsev, A.V. (2011) *Realizatsiya gosudarstvennoy zhilishchnoy politiki na Dal'nem Vostoke SSSR (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1950-kh gg)* [Implementation of the state housing policy in the Far East of the USSR (the second half of the 1940s – the first half of the 1950s)]. Abstract of History Cand. Diss. Khabarovsk.
7. Vlasov, S.A. (2014) Reshenie zhilishchnoy problemy na Dal'nem Vostoke v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi [Solving the housing problem in the Far East in the Stalin and post-Stalin eras]. In: Chernolutskaya, E.N. (ed.) *Sovetskiy Dal'niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi* [Soviet Far East in the Stalin and post-Stalin eras]. Vladivostok: FEB RAS. pp.108–114.

8. Kharrasov, F.F. (2016) *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Bashkirskoy ASSR v 1945–1964 gg.* [Housing construction in the Bashkir ASSR in 1945–1964]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.
9. Usanova, A.L. (2014) The Soviet Architecture and Town Planning in the 1920–1950-s: Strategy of Housing Construction and Types of City Housing. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal.* 2-2(82). pp. 205–210. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-40
10. Mamyachenkov, V.N. (2007) Zhilishchnoe stroitel'stvo v Sverdlovskoy oblasti v pervoe poslevoennoe desyatiletie (1946–1955 gg.) kak vazhnyy faktor sotsial'noy politiki [Housing construction in Sverdlovsk Region in the first post-war decade (1946–1955) as an important factor in social policy]. *II Emel'yanovskie chteniya* [The Second Emelyanov Readings]. Proc. of the Conference. Kurgan. pp. 166–168.
11. Mamyachenkov, V.N. (2009) *Material'nye usloviya zhizni semey promyshlennykh rabochikh i kolkhoznogo krest'yanstva Sverdlovskoy oblasti v period poslevoennogo vosstanovleniya (1946–1953 gg.)* [Material conditions of life of families of industrial workers and the collective farm peasantry of Sverdlovsk Region during the period of post-war reconstruction (1946–1953)]. Ekaterinburg: [s.n.].
12. Korshunov, M.M. & Kochetkova, M.V. (2014) Evolyutsiya sotsial'nogo zhil'ya v SSSR. Ot “stalinok” do “khrushchevok” [Evolution of social housing in the USSR]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 4(32). [Online] Available from: http://human.snauka.ru/2014/04/6537 (Accessed: 8th February 2019).
13. Polyakov, Yu.A. (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. Vol. 2. Moscow. ROSSPEN.
14. Kolpakov, B.T. (1957) *RSFSR za 40 let* [The Russian Federation for 40 years]. Moscow: Sov. Rossiya.
15. *Ural'skiy rabochiy*. (1947) 1st January.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 279.
17. *Pod znamenem Lenina*. (1950a) 14th May.
18. *Pod znamenem Lenina*. (1951) 13th February.
19. *Tagil'skiy rabochiy*. (1956a) 9th May.
20. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950a) Rezkie kontrasty [The sharp contrasts]. 24th March.
21. *Pod znamenem Lenina*. (1950b) Gryazno i kholodno [Dirty and cold]. 1st February.
22. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950b) Plody bezotvetstvennosti i bespechnosti [The fruits of irresponsibility and carelessness]. 1st April.
23. The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 43. File 197.
24. The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 41. File 176.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 316.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 307.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 329.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 311.
29. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950c) V novye kvartiry [In new apartments]. 1st January.
30. *Tagil'skiy rabochiy*. (1956b) V novye kvartiry [In new apartment]. 15th. January.
31. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7319.
32. *Trud*. (1956) Revdinskie novosely [The Revda new settlers]. 10th May.
33. *Tagil'skiy rabochiy*. (1947a) Narushiteli pasportnogo rezhima [Violators of the passport regime]. 15th February.
34. *Pod znamenem Lenina*. (1946) Proshu okazat' vnimanie [Please pay attention]. 11th July.
35. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7567.
36. Goldenberg, A.M. (1950) *Osnovnye voprosy organizatsii finansov sotsialisticheskogo zhilishchnogo khozyaystva* [Basic questions of the organization of the finances of the socialist housing economy]. Moscow: Gosfinizdat.
37. The Central Statistical Administration of the USSR. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1956 godu : stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1956]. Moscow: Gosstatizdat.
38. The Ministry of Public Utilities of the RSFSR. (1947) *O zaklyuchenii dogovorov nayma zhilykh pomeshcheniy v domakh, nakhodyashchikhsya v vedenii mestnykh sovetov, gosudarstvennykh uchrezhdeniy, predpriyatiy i obshchestvennykh organizatsiy: prikaz M-va kommunal'nogo khozyaystva RSFSR ot 30.08.1947 № 727* [On the conclusion of contracts for the rental of residential premises in houses under the jurisdiction of local councils, state institutions, enterprises and public organizations: Order No. 727 of the Ministry of Public Utilities of the RSFSR dated August 30, 1947]. [Online] Available form: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=37679&req=doc#7QVkkwSYLidVBO3n
39. Trud. (1949) *Konsul'tatsii “Truda”. Otvety na voprosy chitateley gazety “Trud” po trudovomu i zhilishchnomu zakonodatel'stvu* [Consultations of *Trud*. Answers to the readers of the newspaper *Trud* on labor and housing legislation]. Moscow: Trud.
40. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 5840.
41. Gorlov, V.N. (2013) Departmental housing in the USSR. *Vestnik MGOU. Ser. Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences.* 1. pp. 51–56. (In Russian).
42. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1928). 53.
43. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 228. Part. I.
44. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 228. Part. II.
45. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 225.
46. *Trud*. (1948) Deystvennye vyvody [Effective conclusions]. 12th April.
47. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7885.
48. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950d) Bezotvetstvennye rukovoditeli (obzor pisem) [Irresponsible leaders (a review of letters]. 15th February.
49. *Tagil'skiy rabochiy*. (1947b) V kholodnom dome [In the cold house]. 15th February.
50. *Pod znamenem Lenina*. (1951) Neblagoustroennyy dom [A house without amenities]. 3rd March.
51. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950e) Batarei ne greyut… [Heaters do not work]. 15th January.
52. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [The post-war Soviet society: the policy and daily occurrence. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
53. Anokhov, V.V. & Dolgolyuk, A.A. (2007) Zhilishchnye usloviya goroda Berdska v 1946–1970 gg. [Housing conditions in Berdsk in 1946–1970]. In: Bukin, S.S. (ed.) *Sotsial'naya sfera i povsednevnost' Sibirskogo goroda (XX – nachalo XXI vv.)* [The social sphere and everyday life of a Siberian city (the 20th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Parallel. pp. 74–94.
54. Kokorina, L.B. (2009) *Development of housing provision for the population, passenger transport and health care of the cities of Kuzbass (1945–1985)* [Development of housing, passenger transport and health care in the cities of Kuzbass (1945–1985)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
55. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950f) Pretenzii k stroitelyam i kvartiros"emshchikam [Claims against builders and tenants] 15th April.
56. *Ural'skiy rabochiy*. (1953) V rayispolkom postupilo zayavlenie… [The district executive committee received a statement ...]. 1st June.
57. *Pod znamenem Lenina*. (1955) “Luchshiy”… domoupravlyayushchiy [“The best” ... house manager]. 16th February.
58. USSR. (1956) *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956]. Moscow: Gosyurizdat.
59. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 314.
60. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 289.
61. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 290.